

Дорога к звездам

Поэту Дмитрию Блинскому исполнилось бы в этом году 75 лет

Анатолий СМИРНЫХ,

член Союза писателей России

Держу книгу: большой однотомник Дмитрия Блинского. Перелистываю страницы — снова хочу углубиться в давно мне известное. Только взгляд невольно останавливается на обложке автора: совсем парнишка, юноша, деревенский и понятный...

То дорога, то тропка узкая...

Начинаю читать и останавливаюсь... Закрываю глаза и ту самую дорогу шестидесяти пятого вижу — северную и узкую, похожую на тропку.

В феврале 1964 года Дмитрий давал мне знать своим письмом: «В издательство (имеется в виду тогдашнее Орловское книжное) я писал. Предлагал издать А. Шиляева, А. Смирных и З. Дронникова. Может быть, под одной обложкой». Я тогда учился в Саратове в одном из крупных литературных центров Союза. Было кому и поругать, и поддержать неопытного литератора. Но письмо Блинского открыло меня.

Он в те времена печатался во многих изданиях — подборки его стихов давали газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», их разовый общий тираж превышал сорок миллионов экземпляров, они ходили и читались по всему белому свету. Центральные издательства охотно выпускали его книги массовыми тиражами. Популярность поэта росла стремительно.

Зайди в село.

Спокойная душа

Нетронутой останется едва ли:

В моем селе не встретишь малыша —

Четыре года

Бабы не рожали.

Это — про легендарные военные, про 1945-й.

В 1965 году меня послали на преддипломную стажировку в Вологду. И в то же время, в том же суровом районе, только в Мурманске, Дмитрий Блинский, командированный редколлегией газеты «Правда», изучал службу и быт наших военных моряков. Он часто выходил в море. Ему нравилась непокорная стихия — ведь он в свое время служил на флоте. И случилось то самое роковое, о чем он жаловался мне в письме в 1964 году: «Потом заболел, открылась старая (с 1947 года) болезнь: язва желудка»...

Мы возвращались практически параллельными путями: я — из стажировки, он — усопший...

...Московский трамвай скрипел проивно, будто колеса и рельсы очищали себя от жирной ржавчины. Тесть Блинского и я ехали на Пятницкое кладбище поэту. Я слушал, слушал пожилого человека, хорошо знавшего и любившего Дмитрия. А в памяти настойчиво звучат его стихи:

Край мой — степи его, леса его —

Наша отчая сторона.

У Гордейчева, у Исаева,

у Полянского ты одна.

Ты нам пращурками завещана,

Чтоб любили тебя, храня,

Ты для Фирсова — мать Смоленщина.

Мать Орловщина — для меня...

Я прикрыв книгу. Какое высокое русское слово! Какие имена! Зримо представляю эту молодую гвардию. То они, мои старшие товарищи, мои мудрые собраты по вере, по перу, это ни совсем-совсем робкие и открытые, без связей, без знакомства, амозабвенно и преданно штурмовавшие и русские и мировые пики поэзии! То они взяли многие неприступные высоты и оставили на них свои правые сердца!

Егор Строев, тогда еще глава администрации Орловской области, пишет

в предисловии прекрасно изданного однотомника: «Хочу верить, что посмертное издание избранного творчества Дмитрия Блинского и будет его заслуженным возвращением не только к землякам-орловцам, но и ко всем россиянам».

Дмитрий Блинский боготворил Сергея Есенина. Сам очень даровитый поэт, он порою безотчетно преклонялся перед есенинской лирой. Это не могло не влиять на его житейский уклад — Блинский нередко подражал Есенину и в повседневной жизни. О своих поездках на Рязанщину поэт восклицал:

Везде, везде — во сне и наяву
Мою березку солнечно-прямоу
Березкою Есенина зову.

Действительно, много схожего можно заметить в их литературной и человеческой судьбе — это бесспорно подтверждает жизнь, творчество и даже сама ранняя смерть Дмитрия Блинского.

Особое упорство и трудолюбие в составлении книги «Я полон света» проявила сестра поэта — Валентина Блинская и писатель Петр Родичев. Они сумели представить творчество Дмитрия Блинского во всем его многообразии. Здесь не только разножанровая поэзия, тут и сказки, и переводы, и проза, и письма, и творчество других авторов, посвященное таланту Дмитрия Блинского. Свыше семисот страниц профессионально составленного и сюжетно подобранного текста.

Нельзя легко и хладнокровно читать откровения сестры поэта в ее взволнованном вступительном рассказе «О своем брате». Кажется, все пережил русский человек, все он испытал на своем веку, а встречаешь сердечную исповедь, и слезы застилают глаза, и душа трепещет от обнаженной правды. «Отец лежал в летней комнатке, — с болью вспоминает сестра, — возле него сидел Митя. Я помню, как брат подбежал к маме с криком: «Мама, что отец побелел!...». В год смерти отца Мите исполнилось 14 лет, а родился он 23 февраля 1932 года в деревне Васютино под Дросковом (что в Покровском районе). Вживаешься в исповедь сестры и начинаешь понимать: видимо, в довольстве, в сытости серьезные поэты на Руси не рождаются, потому что первое дело поэзии на Руси — воспевать надежды и чаяния народа, потому что и сама Россия — это горькая и неподражаемая поэзия. Поэтому она, мать Россия, и рождает сыновей, подобных себе, таких, как Дима Блинский.

Он творил в очень тяжелую, по моральным критериям, пору, но очень благоприятную по своим надеждам. Тогда еще не успели осквернить идеалы социализма, тогда еще даже не догадывались о далеких впереди годах «зрелого» социализма, о роковой перестройке.

Тогда старательно преследовали за идеи и убеждения. Но тогда люди в стране жили надеждой, а если в душах живет надежда, значит, в них звучат музыка и слово.

Теперь, в который раз перечитывая стихи Дмитрия Блинского, собранные, наконец-то, в его однотомник, я открываю и невольно задаю себе вопрос: а стал бы он национальным поэтом? И уверенно отвечаю себе и всем, кто знаком с его творчеством: да, Дмитрий Блинский мог стать большим русским поэтом! Природа наделила его богатым, а самое главное, поистине русским даром. Стихи ему давались легко, но он брал для них пока лишь то, что лежало на поверхности, что поощрялось к печати, что угодно было правящей идеологии. Отсюда его поспешные стихи о вожде, о родственниках, о коммунистических мужах.

Но он родился истинно русским поэтом и притом вырос в крайней бедности. В мышлении его должно было обязательно произойти переосмысление, что и сделало бы его национальным поэтом. К тому же он вышел из великоросской глубинки и знал про униженное положение россиян. А природа ему дала божий дар — поэзию. И вкладывая на первых порах в свои строки пока довольно очевидное, он интуитивно понимал: надо копать новые пласты — глубокие, а может быть, и запретные; копать самоотверженно, тяжело, не надеясь на быструю славу, а ожидая, скорее, жесткую критику и замалчивание.

Поэтический лик его прочерчивался все отчетливее. Стихи «Моя точка зрения» говорят о его гражданских исканиях. Кажется, он их находил. Кажется, начинал видеть великоросские ориентиры:

Позабыта квартира дульная,
Мы в пути на ногах с утра,
Эй, с дороги, вы, малодушные,
Золотушные фраера!

«Золотушные» и «малодушные» оказались на диво цепкими и пронырливыми ребятами. Сегодня они орудут рычагами власти, прихватывая в свои карманы все-все, что нарботано горбами и жизнями не одного русского поколения.

Мне дорога память о Дмитрии Блинском. И не потому, что мы жили почти рядом: он — под Дросковом, я — под Ливнами. И не потому даже, что он даровитый поэт с просторным и напевным словом, с поразительной правдой о самых простых людях, с точной привязкой откровенного слова к родной конкретной местности. Моя память о нем дорога его светом, его стремлением к зениту. Помните, он писал:

К далеким звездам

путь его пролегал...

И он пролагал свой путь к звездам. И он, как это понималось ему, сумел запечатлеть свое время, свою большую и малую Родину.

Будущие поколения перезабудут наше страшное и мучительное время. Журналисты, историки, в угоду правящей элите, переврут наши события. А достоверная поэзия — памятник времени — останется. Усваивая поэтическое каждый может по-своему, но переиначить на свой лад скрепленное рифмами — невозможно.